

Красовский Михаил Витольдович

Курс истории русской архитектуры

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М69

М69 **Михаил Витольдович К.**
Курс истории русской архитектуры / Красовский Михаил Витольдович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 412 с.

ISBN 978-5-519-90986-0

ISBN 978-5-519-90986-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Предисловіе.

Исторія Русской Архитектуры входитъ въ настоящее время въ число обязательныхъ предметовъ, преподаваемыхъ въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ, при чемъ въ однихъ изъ нихъ она преподается какъ часть курса Исторіи Искусствъ, а въ другихъ выдѣлена въ самостоятельный предметъ. Однако, до сихъ поръ единственнымъ систематически составленнымъ пособіемъ по этому предмету была „Исторія Русской Архитектуры“, изданная въ 1894 году Академикомъ А. М. Павлиновымъ и представляющая теперь большую библиографическую рѣдкость, пріобрѣсти которую почти невозможно; вслѣдствіе этого учащимся, при подготовкѣ ихъ къ экзамену, приходится извлекать необходимыя имъ свѣдѣнія изъ различныхъ изданій, не предназначенныхъ для учебной цѣли и по-этому отличающихся то излишней полнотой, то черезмѣрной краткостью, отчего готовиться по нимъ къ экзамену очень затруднительно.

Желаніе облегчить трудъ учащейся молодежи побудило меня къ изданію курса Исторіи Русской Архитектуры, первой частью которой является эта книга, охватывающая Исторію деревяннаго зодчества. Издать же одновременно обѣ части было бы при современномъ положеніи книжнаго рынка очень тяжело въ матеріальномъ отношеніи и, кромѣ того, изданіе затянулось бы на долгое время.

При составленіи плана курса я не придерживался программы какого нибудь одного учебнаго заведенія, а старался только не обойти молчаніемъ ни одного изъ тѣхъ памятниковъ русскаго зодчества, которые являются типичными представителями того или иного его направленія. Къ сожалѣнію, это не во всѣхъ случаяхъ оказалось достижимымъ, за отсутствіемъ въ литературѣ хорошихъ изображеній или исчерпывающихъ описаній многихъ памятниковъ; поэтому для иллюстраціи нѣкоторыхъ изъ нихъ пришлось ограничиться одной только фотографіей или рисункомъ, исполненнымъ

съ полувыцвѣтшей фотографіи. Послѣднимъ способомъ иллюстрирована, на примѣръ, большая часть малороссійскихъ колоколенъ, отчего перспектива этихъ изображеній страдаетъ значительнымъ искаженіемъ, обычнымъ на фотографіяхъ.

Описаніе памятниковъ второстепеннаго значенія или аналогичныхъ уже описаннымъ напечатаны мелкимъ шрифтомъ съ цѣлью придать курсу бѣльшую сжатость, а мѣстами для сохраненія цѣльности его изложенія.

М. К.

ВВЕДЕНИЕ.

Первобытное зодчество каждаго народа, только что осѣвшаго на новыхъ мѣстахъ, всегда находится въ тѣсной связи съ географическими условіями этихъ мѣстъ, даже и въ томъ случаѣ, если народъ этотъ обладаетъ извѣстной долей культуры и уже успѣлъ выработать кое-какіе строительные приемы, живя на своей первоначальной родинѣ. Связь эта продолжаетъ оставаться тѣсною до того времени, когда народъ, образовавъ государство, достигнувъ высокихъ ступеней культуры и заведя оживленныя сношенія не только съ ближайшими сосѣдями, но и съ отдаленными странами, получаетъ возможность привозить къ себѣ тѣ строительные матеріалы, въ которыхъ родина ему отказывается, но которые становятся ему необходимыми для постройки зданій, удовлетворяющихъ его развившимся потребностямъ и облагороженнымъ культурой вкусомъ.

До этого же времени каждый человѣкъ, строя свое жилище, думаетъ лишь о томъ, чтобы оно, во-первыхъ, укрывало его и весь его домашній скарбъ отъ господствующихъ въ данной мѣстности атмосферныхъ явленій, во-вторыхъ, ограждало отъ нападений хищныхъ звѣрей и враждебныхъ сосѣдей и, наконецъ, чтобы это жилище можно было скоро и дешево построить, пользуясь всегда имѣющимися подъ рукой строительными матеріалами.

Въ такомъ же положеніи должно было находиться и первоначальное зодчество славянъ, спустившихся съ Карпатскихъ горъ и расселявшихся въ предѣлахъ нынѣшней Европейской Россіи. Если они до своего переселенія и выработали даже нѣкоторые строительные приемы, то, попавъ въ совершенно иную обстановку, они волей-неволей должны были ей подчиниться. Какова же была эта обстановка? Равнина Европейской Россіи дѣлится на двѣ различныя по характеру полосы: южную-степную и сѣверную-лѣсную, граница между которыми опредѣляется линіей, проведенной отъ устья Камы къ Кіеву. Расселяясь на новыхъ мѣстахъ, славяне, въ силу многихъ условій, явно стремились въ лѣсную область, предпочитая ее степной, которая была во власти кочевниковъ, страшныхъ всякому осѣдлому племени. Сѣверная же область представляла собою сплошной дремучій лѣсъ, съ рѣдкими поселеніями различныхъ полудикихъ финскихъ племенъ, у которыхъ единственными путями сообщеній, являлись рѣки. Горныя породы встрѣчались тамъ либо въ видѣ относительно глубоко залегавшихъ въ почвѣ пластовъ песчаниковъ или известняковъ, лишь кое-гдѣ, преимущественно по

берегамъ рѣкъ, выступавшихъ на поверхность земли, либо въ видѣ крупныхъ или мелкихъ валуновъ, разсѣянныхъ по лѣсу. Послѣднихъ, правда, почти всюду было въ изобиліи, но употреблять ихъ для строительныхъ цѣлей, въ особенности большіе, было не подъ силу славянамъ, не знавшимъ строительной техники; поэтому они пользовались только мелкими валунами, примѣняя ихъ какъ второстепенный, а не основной, строительный матеріалъ. Что касается разложившихся горныхъ породъ, т. е. глины и песка, то хотя они такъ же, какъ и валуны, встрѣчались повсюду, но все-же играли роль только второстепенныхъ матеріаловъ, такъ какъ, если умѣніе изготовлять кирпичъ и было извѣстно, то все-таки послѣдній требовалъ для его изготовленія большой затраты времени и, слѣдовательно, примѣнялся первоначально лишь въ случаяхъ крайней необходимости, а впослѣдствіи для сооруженій исключительной важности.

Сравнительно недолгое тепло въ лѣтнюю пору и суровыя зимнія стужи заставляли славянъ заботиться о теплотѣ ихъ жилищъ, а сильныя и частыя дожди вмѣстѣ съ обильными росами принуждали ихъ строиться изъ такого матеріала, который не особенно скоро разрушался отъ дѣйствія атмосферной влаги.

Наконецъ, живя въ близкомъ сосѣдствѣ съ дикими и сильными звѣрями, которыми кишѣли лѣса, славянамъ приходилось думать о томъ, чтобы хоть у себя дома они сами и ихъ скотъ были бы въ безопасности отъ этихъ соперниковъ въ обладаніи лѣсными чащами; другими словами, жилища славянъ должны были быть настолько крѣпкими, чтобы въ нихъ не могъ вломиться ни могучій зубръ, ни медвѣдь, ни свирѣпый вепрь.

Итакъ, славянамъ былъ нуженъ такой строительный матеріалъ, который обладалъ бы слѣдующими качествами: легкостью обработки примитивными орудіями, нетеплопроводностью, сопротивляемостью дѣйствию атмосферныхъ осадковъ, прочностью и, наконецъ, повсемѣстной распространенностью. Такимъ матеріаломъ являлось дерево, во всемъ разнообразіи его породъ; ближе къ сѣверу простирался боръ съ его колоссальной величины соснами, лиственницами и елями; въ центральной полосѣ къ хвойнымъ породамъ примѣшивались лиственные, т. е. береза, осина, ольха, липа, кленъ, вязъ и т. д.; говоря иначе, здѣсь царило преимущественно чернолѣсье, которое на границѣ степной полосы уступало мѣсто почти исключительно дубовымъ лѣсамъ. Вначалѣ славяне употребляли, вѣроятно, для построекъ различныя породы лѣса, болѣе или менѣе отличающіяся прямизной, но, надо полагать, очень скоро начали отдавать предпочтеніе хвойнымъ породамъ, въ особенности соснѣ и лиственницѣ, цѣня ихъ смолистость, хорошо сопротивляющуюся гніенію, исключительную прямизну, плотность древесины, свойство относительно легко поддаваться раскалыванію по слоямъ (доски) и, наконецъ, отсутствіе дупель даже въ многовѣковыхъ представителяхъ этихъ породъ.

Если даже допустить мысль, что славяне въ своей прежней родинѣ были мало знакомы съ употребленіемъ для строительныхъ цѣлей именно хвойныхъ породъ, то ихъ скоро должны были этому научить, во-первыхъ, аборигены ихъ новой родины—финскія племена, а во-вторыхъ, какъ ближ-

ніе, такъ и дальніе сосѣди, жившіе въ такихъ же лѣсахъ, т. е. различныя литовскія племена и заморскіе варяги (норманы). Многочисленныя дружины послѣднихъ не только бродили среди русскихъ славянъ, но часто и осѣдали у нихъ, довольно быстро съ ними ассимилируясь, такъ какъ въ отношеніи культуры варяги въ то время не были выше славянъ.

У всѣхъ этихъ народовъ орудіемъ для обработки дерева служилъ топоръ ¹⁾, первоначально, быть можетъ, тотъ же самый, съ которымъ они выходили въ бой; впослѣдствіи онъ, конечно, видоизмѣнился, будучи приспособленъ къ специальной цѣли, и въ помощь къ нему появились долото и молотъ; однако, послѣдній и до сихъ поръ часто замѣняется обухомъ топора, поэтому вѣроятнѣе предположить, что славяне обходились, въ большинствѣ случаевъ, безъ молота, дѣлая почти все топоромъ, которымъ они владѣли въ совершенствѣ. Не даромъ, вплоть до петровской эпохи, плотники не знали слова „строить“; они не строили свои избы, хоромы, церкви и города ²⁾, а „рубили“ ихъ, почему и самихъ плотниковъ именовали иногда „рублинниками“.

Въ зависимости отъ орудія и виды обработки матеріала, подготовляшагося для постройки, были ограничены; это были: 1) *Бревна*—„деревья“ или „дерева“, „осляди“, или „сляги“, какъ ихъ еще и до сихъ поръ часто называютъ плотники. Въ зависимости отъ ихъ назначенія бревна употреблялись различной длины, но для рубки стѣнъ домовъ и церквей примѣнялись, вѣроятно, бревна такой же длины, какъ и теперь, т. е. 4-хъ и 3-хъ саженныя, такъ какъ при бревнахъ болѣе длины работа становится очень затруднительной и медленной. Въ старину же работа съ длинными бревнами была бы еще болѣе трудной, такъ какъ толщина послѣднихъ превышала нынѣшнюю вдвое и болѣе; такъ, напримѣръ, церковь Іоанна Богослова на рѣкѣ Ишнѣ (близъ Ростова Ярославскаго. XVII вѣкъ) срублена изъ 10-ти и 12-ти вершковыхъ бревенъ. Дворецъ и конюшни подмосковнаго села Кускова срублены изъ 10-ти вершковыхъ бревенъ; дворецъ этотъ построенъ въ концѣ XVIII вѣка, слѣдовательно еще сравнительно недавно даже вблизи такихъ центровъ, какъ Москва, лѣса были богаты многовѣковыми деревьями и строителямъ было изъ чего выбирать матеріалъ для своихъ построекъ.

2) *Брусья*, т. е. бревна, отесанныя на четыре канта.

3) *Пластины*—бревна, расколотыя по длинѣ на двѣ части, и

4) *Доски*—„тѣсь“. Въ старину пиленыхъ досокъ не было, такъ какъ пилы вошли во всеобщее употребленіе только въ послѣ-петровское время, а до этого для полученія досокъ деревья раскалывались клиньями на нѣсколько частей, которыя затѣмъ обтесывались топорами, откуда и возникло само названіе — „тѣсь“ ³⁾. Работа была медленная, требовала большого навыка и была связана съ непроизводительной тратой матеріала потому, что деревья раскалываются не всегда удачно и при обтескѣ неизбѣжно

¹⁾ Топоръ назывался также—„Тесѣль, тесліца, тесло“.

²⁾ Крѣпости.

³⁾ Слово „доска“ того же корня: „тска“, „цка“, „дска“.

остается много непримѣнимой въ дѣло щепы: въ силу этого тесъ расходывали весьма бережно, замѣняя его, гдѣ только было возможно, пластинами.

Таковы были главнѣйшіе виды подготовленнаго для постройки дерева, но кромѣ нихъ примѣнялись въ дѣло и другіе, какъ то: жерди тонкій круглый лѣсъ, жерди съ частями сучьевъ, бревна съ частями корней и, наконецъ, лѣмехъ называвшійся также гонтомъ. Пока остановимся нѣсколько только на послѣднемъ; лѣмехъ употреблялся для покрытія крышъ, которыя имѣли кривыя поверхности, какъ, напримѣръ, главы церквей и которыя поэтому было почти невозможно крыть тесомъ, такъ какъ при небольшихъ размѣрахъ крыши послѣдній приходилось сильно выгибать, что при относительной толщинѣ его было весьма затруднительно.

Лѣмехъ приготовлялся обыкновенно изъ тонкаго и узкаго осиноваго теса; послѣдній разрубали на короткія дощечки и одинъ конецъ ихъ обдѣ-

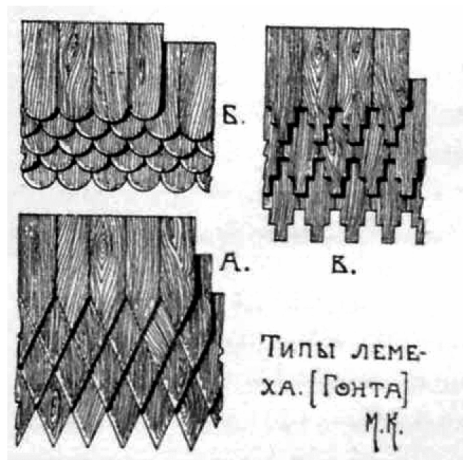

Рис. № 1.

лывали или въ формѣ острія (рис. № 1а), или въ формѣ полукруга (рис. № 1б), или, наконецъ, въ формѣ городковъ (рис. № 1в). Дощечки прибивались плотно одна рядомъ съ другой послѣдовательными рядами, начиная съ низа крыши, при чемъ каждый послѣдующій рядъ закрывалъ стыки дощечекъ нижележащаго ряда. Кровли сдѣланныя изъ лѣмеха съ полукруглыми концами казались покрытыми рыбьей чешуей, почему и существовали выраженія: „крыть въ чешую“ и „по чешуйному обиванію“.

Покрытіе лемехомъ отличалось удивительной прочностью и сопротивляемостью влагѣ, но и требовало не мало искусства, почему появленіе его не можетъ быть отнесено къ глубокой древности, равно какъ и покрытіе тесомъ. Послѣдній, въ силу уже упомянутой

трудности его изготовленія, употреблялся въ дѣло первоначально лишь для зданій исключительной важности, а обычныя сооруженія крылись, надо полагать, просто соломой, отчего еще болѣе усиливалась опасность пожара, этого Дамоклова меча всѣхъ старорусскихъ селъ и городовъ. Наши лѣтописи нестрятъ упоминанія о грандіозныхъ пожарахъ, уничтожавшихъ иногда цѣлые города, при чемъ въ пламени гибли всѣ, кто не успѣлъ во время выбраться вонъ изъ горячей части города, представлявшей сплошной костеръ. Горѣли не только скученные дома узкихъ улицъ, переулковъ и тупиковъ, но горѣли и бревенчатая мостовая, заборы, мосты и, наконецъ, стѣны городовъ. Борются съ огнемъ, имѣя для этой цѣли лишь бочки, ведра и багры, было почти немыслимо; пожары прекращались тогда, когда уже больше нечему было горѣть, или случайно—въ силу перемѣнивашагося направленія вѣтра или проливного дождя, поэтому избѣгнуть общей участи могли лишь такія зданія, которыя стояли совершенно изолированно, среди большой площади или большого, густого сада. Въ такомъ благопріятномъ положеніи могли

находиться только дома привилегированныхъ лицъ и церкви, но какъ тѣ, такъ и другія, строились обычно очень высокими, къ чему славяне, какъ это присуще жителямъ равнинъ, имѣли особое пристрастіе и, слѣдовательно доминируя надъ другими зданіями города, чаще притягивали къ себѣ удары молній и въ концѣ концовъ также становились жертвой пламени, если не успѣвали ранѣе сгнить.

Отсюда понятно, почему до насъ дошло сравнительно мало памятниковъ деревяннаго зодчества нашихъ предковъ, а тѣ, которые уцѣлѣли, не старше начала XVII вѣка, такъ какъ деревянное зданіе можетъ просуществовать болѣе четырехсотъ лѣтъ только при исключительно счастливыхъ условіяхъ и любовно-бережной о немъ заботѣ. У насъ же заботы и любовь къ памятникамъ родной старины—явленіе сравнительно новое и еще въ недалекомъ прошломъ эти памятники уничтожались не только стихіями, но и гибли отъ руки невѣжественныхъ строителей, не умѣвшихъ или не хотѣвшихъ понять ихъ красоты.

Такимъ образомъ время, стихіи и, наконецъ, наши же собственные предки лишили насъ возможности возстановить картину послѣдовательнаго развитія деревяннаго русскаго зодчества, пользуясь сохранившимися его памятниками. Положеніе было бы безвыходнымъ, если бы на помощь не являлись съ одной стороны нѣкоторыя историческія условія и особенности быта русскаго народа, а съ другой стороны какъ наши, такъ и иностранные памятники письменности.

Начнемъ съ условій историческихъ и бытовыхъ.

Первымъ важнымъ фактомъ въ исторіи объединенныхъ славянскихъ племенъ, начавшихъ называть себя Русью, является принятіе ими христіанства. Послѣдствія этого факта весьма разнообразны, но насъ можетъ интересовать только одно изъ нихъ, а именно то, что съ принятіемъ новой вѣры возникла необходимость въ сооруженіи новыхъ храмовъ и при томъ, храмовъ каменныхъ, тогда какъ существовавшія до крещенія Руси весьма малочисленныя христіанскія церкви, конечно, были деревянныя. Для сооруженія первыхъ каменныхъ храмовъ были вызваны греческіе мастера, такъ какъ до этого времени славяне совершенно не были знакомы съ каменнымъ строительствомъ. Однако, они относительно быстро освоились съ этимъ видомъ зодчества и уже въ XI вѣкѣ каменные церкви начинаютъ строиться собственными силами, своими мѣстными мастерами, научившимися этому искусству отъ грековъ (византійцевъ). Само собою понятно, что каменными строились лишь тѣ храмы, которые имѣли исключительное значеніе, какъ напримѣръ, Св. Софія кіевская и Св. Софія новгородская; такіе храмы требовали на ихъ постройку большихъ средствъ, каковыхъ, конечно, не имѣлось для постройки обычныхъ церквей, вслѣдствіе чего послѣднія приходилось рубить изъ дерева. По той же причинѣ постройку обычныхъ церквей невозможно было поручать мастерамъ греческимъ, трудъ которыхъ оплачивался, вѣроятно, весьма дорого.

Если наши первые каменные храмы, сооруженные греческими или нашими зодчими, должны были быть похожими на храмы византійскіе, то врядъ ли это сходство распространялось и на деревянныя церкви; этому

мѣшали, во-первыхъ, трудность передачи въ деревѣ формъ каменныхъ, а, во-вторыхъ, то обстоятельство, что строились эти церкви, какъ было уже сказано, мѣстными мастерами—простыми плотниками, уже успѣвшими ко времени принятія христіанства выработать вполне опредѣленные конструктивные приемы, а слѣдовательно и нѣкоторыя архитектурныя формы.

Понятно, что русское духовенство, строго слѣдившее не только за соблюденіемъ догматовъ восточной церкви, но также и за неизмѣнностью ея обрядовъ, должно было стремиться къ тому, чтобы и деревянныя церкви въ основныхъ чертахъ были такими же, какъ и каменные; но это въ сущности сводилось къ соблюденію лишь очень немногихъ условій, для чего не было необходимости придавать формамъ деревянной церкви видъ формъ каменныхъ, разъ только это противорѣчило основнымъ правиламъ плотничнаго искусства.

Такимъ образомъ новая религія, создавъ на Руси новую область строительства, каменные храмы, весьма мало отразилась на формахъ деревянныхъ, и наши плотники, сооружая деревянныя церкви, приспособили для нихъ тѣ конструктивные и художественные приемы, которые имъ были уже хорошо знакомы, а тѣ немногіе, которыхъ не хватало въ ихъ запасѣ, имъ пришлось изобрѣтать самимъ. Заимствовать было неоткуда потому, что въ области плотничнаго искусства русскіе, конечно, стояли впереди византійцевъ, строившихъ почти исключительно изъ камня и кирпича.

Вторымъ важнымъ для насъ историческимъ фактомъ является татарское иго, надолго исковеркавшее общественную жизнь древней Руси. Все замерло; замерли и наладившіяся было сношенія съ сосѣдними странами и лишь въ силу необходимости оставались подневольныя сношенія съ Ордой. Послѣдняя, конечно, не могла такъ или иначе не вліять на укладъ русской жизни и на искусство Руси, но Русь поддавалась этому вліянію не сознательно, не по доброй волѣ, а лишь въ силу, такъ сказать, тѣснаго сожителства. Во всякомъ случаѣ, если вліяніе татаръ и отразилось на чемъ либо, то только не на нашемъ храмосозидательствѣ; объ этомъ говоритъ тотъ упадокъ каменнаго церковнаго дѣла, который явно виденъ въ памятникахъ эпохи первой половины зависимости отъ татаръ. Что же касается деревянныхъ церквей, то и на нихъ владычество татаръ не могло отразиться, такъ какъ, будучи сперва кочевниками, татары не возводили никакихъ постоянныхъ сооружений и, слѣдовательно, не имѣли никакой архитектуры, а затѣмъ, осѣвъ преимущественно въ степныхъ областяхъ, татары стали строить свои зданія изъ камня. Но даже и при другихъ условіяхъ жизни татаръ, русскіе не могли бы заимствовать у нихъ какихъ либо архитектурныхъ формъ потому, что для православныхъ казалось великимъ грѣхомъ заимствовать что либо при постройкѣ храма отъ „поганныхъ“, каковыми татары, вначалѣ язычники, а затѣмъ магометане, всегда были въ глазахъ русскихъ. Наконецъ, вопреки общепринятому мнѣнію, татары вовсе не стѣсняли искусства; наоборотъ, въ мирное время они даже поощряли его и оберегали всякихъ мастеровъ и людей науки, о чемъ ясно говорили ханскіе ярлыки: „Мастера трогать нельзя—Мастеръ избранное лицо, Богомъ хранимое, и если его тронуть, то Богъ накажетъ

монгола“. „А что будутъ церковные люди, ремесленники или писцы, или каменные здатели, или дровяные или иные мастера, каковы ни буди, и въ наши никто не заступаються и наше дѣло да не емлютъ ихъ“.

Такимъ образомъ и татарское иго не отразилось непосредственно на русскомъ деревянномъ строительствѣ церквей; во всякомъ случаѣ это иго не направило его въ отношеніи формъ въ какое нибудь новое русло. Оно могло только, если судить по памятникамъ каменнаго зодчества, нѣсколько *задержать развитие* существовавшихъ архитектурныхъ формъ и сократить какъ число строившихся церквей, такъ и число возникавшихъ новыхъ формъ.

Слѣдующимъ весьма важнымъ для насъ историческимъ моментомъ является вступленіе Іоанна III въ бракъ съ Софіей, внучкой Константина Палеолога. Бракъ этотъ привлекъ въ Москву много грековъ и несомнѣннымъ его слѣдствіемъ является тотъ наплывъ иноземныхъ художниковъ, которому положилъ начало своимъ пріѣздомъ Аристотель Фиоравенти, вызванный въ Москву для постройки Успенскаго собора (1475—1485 годы). Само собою понятно, что такіе мастера, какъ Маркъ Фрязинъ, Петръ Антоній, Алевизъ изъ Милана и прочіе, не могли не вліять на русское искусство вообще, но въ частности на церковной архитектурѣ ихъ работы на Руси, какъ это ни кажется страннымъ съ перваго взгляда, отразились весьма мало; подробное разсмотрѣніе причины этого явленія намъ предстоитъ въ дальнѣйшемъ ¹⁾, а пока сошлемся лишь какъ на фактъ, что церкви села Коломенскаго и Покровскій соборъ въ Москвѣ (Василій Блаженный), построенные при сынѣ и внукѣ Іоанна III, являются по общей ихъ идеѣ и большинству деталей вполнѣ самобытными сооруженіями, не имѣющими ничего общаго ни съ архитектурой Западной Европы, ни съ архитектурой Византіи, при чемъ для насъ особенно знаменателенъ тотъ фактъ, что строившіе ихъ зодчіе явно подражали формамъ нашихъ *деревянныхъ* церквей.

Отсюда мы вправе заключить, что вліяніе иностранныхъ зодчихъ совершенно не коснулось нашего деревяннаго церковнаго строительства, продолжавшаго развиваться въ искони опредѣлившемся направленіи.

Насколько это направленіе было самобытно и устойчиво говоритъ слѣдующій фактъ: во второй половинѣ XVII вѣка духовенство во главѣ съ патріархомъ Никономъ стало запрещать сооруженіе церквей шатроваго типа, находя, что подобная архитектурная форма не соотвѣтствуетъ „церковному чину“ и допустима лишь въ качествѣ вѣнчающей части колокольни, но никоимъ образомъ самого храма. Въ самой Москвѣ и ближайшихъ къ ней областяхъ запрещеніе это имѣло фактическую силу, но отъ глухихъ мѣстъ Сѣвера и Заволжья власти были далеко, а съ формой шатра русскіе люди такъ сжились, красота ея была такъ понятна и дорога имъ, что отказаться отъ нея ради отвлеченныхъ догматическихъ соображеній, мало понятныхъ и въ сущности не имѣвшихъ подъ собой почвы, казалось имъ досаднымъ и вовсе ненужнымъ. Поэтому тамъ продолжали

¹⁾ Въ исторіи каменнаго зодчества.

расти чудныя по своей простотѣ и стройности деревянныя церкви, тогда какъ въ каменномъ церковномъ зодествѣ большихъ городовъ шатеръ долженъ былъ уступить мѣсто пятиглавію.

Что касается жилыхъ сооруженій, то появленіе на Руси каменной архитектуры, могло оказать на нихъ вліяніе лишь весьма въ незначительной степени. Дѣйствительно, вполне понятно, что строить себѣ каменные палаты могли только цари и люди, владѣвшіе исключительными богатствами, всѣ же остальные должны были довольствоваться, иногда очень сложными и обширными, но все же деревянными хоромами. Въ отношеніи же тѣхъ формъ, въ которыя отливался домъ русскаго человѣка, слѣдуетъ предположить, что онѣ мало мѣнялись. Въ самомъ дѣлѣ, если даже князья, а впослѣдствіи цари, имѣвшіе возможность болѣе кого либо другого ознакомиться съ обычаями и жизнью иноземцевъ, неуклонно и любовно придерживались въ своей интимной жизни обычаевъ старины, то ужъ, конечно, подражавшіе во всемъ государю бояре, купцы и прочіе горожане не стремились къ измѣненію исконнаго уклада домашней жизни. Если же послѣдній не мѣнялся, вѣрнѣе мѣнялся очень медленно, то такъ же медленно долженъ былъ преобразовываться и основной типъ дома горожанъ, а характеръ жилья деревенскаго люда оставался неизмѣннымъ, распадаясь быть можетъ на нѣсколько областныхъ типовъ.

Слѣдуетъ сказать еще нѣсколько словъ о военной архитектурѣ. Здѣсь дѣло должно было обстоять нѣсколько иначе потому, что какъ бы замкнуто ни жилъ любой народъ, какъ бы свято онъ ни хранилъ свои обычаи и завѣты старины, онъ не можетъ въ области военного искусства не идти въ ногу съ окружающими его сосѣдями, если только онъ выше всего цѣнитъ свою свободу и независимость. Поэтому, перенимая отъ болѣе свѣдующихъ въ военномъ дѣлѣ сосѣдей усовершенствованія въ оружіи наступательнаго характера, народъ долженъ зорко слѣдить и за успѣхами въ искусствѣ оборонительномъ, которое главнымъ образомъ заключается въ сооруженіи различнаго вида крѣпостей. Русскіе же люди любили свою свободу и къ тому же всегда славились умѣніемъ обороняться—„отсиживаться“ въ укрѣпленныхъ городахъ, поэтому военная архитектура должна была у нихъ стоять высоко; говоря иначе, она должна была постоянно видоизмѣняться въ зависимости отъ собственнаго опыта и знаній, почерпнутыхъ у иноземцевъ.

Итакъ, изъ приведенныхъ выше теоретическихъ соображеній, основанныхъ на историческихъ данныхъ и условіяхъ быта, мы можемъ вывести заключеніе, что основные архитектурные приемы древне-русскаго плотничнаго дѣла, какъ художественные, такъ и конструктивные, весьма мало отражая въ себѣ внѣшнюю историческую жизнь народа, мѣнялись очень мало и отвѣчая только постоянству уклада внутренней жизни Руси—ея быта, постепенно лишь совершенствовались, оставаясь по существу такими же, какими были въ глубокой старинѣ. Другими словами, тѣ памятники церковнаго и гражданскаго деревяннаго зодчества XVI вѣка, которые сохранились до нашего времени и распадаются на нѣсколько типовъ, должны представлять по ихъ формамъ повтореніе тѣхъ аналогичныхъ по своему